

Глава 46. Начало работ

Как только миновали первые дни Нового года, суэта в уезде Синьфэн поутихла, сменившись благодушной негой. Праздничная пора — время для отдыха и визитов к родне. Семья Чжэн Шаньцы была здесь, под боком, а родные Юй Ланьи остались в столице, так что после долгого бдения в новогоднюю ночь супруги наконец-то смогли всласть выспаться, избавленные от обязанности обходить с поклонами бесчисленных родственников.

В поместьях гуна Инго и хоу Чаняна родни было пруд пруди, и раньше Ланьи проводил все праздники, кочуя из одного знатного дома в другой. Теперь же возможность просто валяться в постели до полудня казалась ему истинным блаженством.

Шаньцы тоже не спешил подниматься. Хоть в праздничную ночь он и клевал носом, выспаться ему так и не удалось. Раз уж ямэнь закрылся на законные семь дней каникул, Чжэн решил позволить себе маленькую слабость и не вставать спозаранку.

Супруги проспали всё утро.

Лишь когда вошёл Цзинь Юнь, чтобы подать воду для умывания, они наконец поднялись и неспешно отобедали. Чжэн Циньинь, заметив, как поздно вышли к столу брат и невестка, лишь скромно промолчал, как и подобало младшему. Чжэн Шаньчэн с Линем ещё на рассвете ушли в трактир семьи Чжэн.

— Циньинь, — проговорил Ланьи, отпивая чай, — не хочешь съездить в загородный храм, возжечь благовония? Говорят, в заднем саду там сейчас чудесно цветут мейхуа. Я и сам их не видел, Гэ'эр Сюй рассказывал.

В первый день года в храмах всегда было многолюдно, а Юй Ланьи обожал всякое оживление. Циньинь, который в своей деревне и на ярмарках-то почти не бывал, с надеждой посмотрел на брата. У Чжэн Шаньцы в эти дни дел не предвиделось, так что он охотно согласился составить компанию обоим гэ'эр.

После полудня они заняли места в экипаже. Цзинь Юнь предусмотрительно захватил целую корзину со свечами и благовонными палочками.

Шаньцы, помня о привычке супруга сорить деньгами, негромко заметил:

— С подношениями на нужды храма будь умереннее.

Циньинь тоже успел заметить, что невестка не знает счёта деньгам.

Услышав такое замечание при младшем брате, Ланьи почувствовал и досаду, и неловкость.

— Знаю я, знаю, — проворчал он и воинственно вскинул подбородок, бросив на мужа многозначительный взгляд.

У храма и впрямь яблоку негде было упасть. Лошади с трудом прокладывали путь сквозь толпу, пока маленький послушник не встретил их, чтобы проводить внутрь. Шаньцы заметил множество книжников в длинных халатах, которые истово молились перед статуей Бодхисаттвы Манджушри, испрашивая удачи в учении. Молодые девушки и гэ'эр толпились у святилища Лунного старца, а семейные пары спешили поклониться Богине, дарующей детей.

Пока его спутники обходили залы, Чжэн устроился в отведённой им комнате для отдыха. Вскоре ему наскучило сидеть на месте, и он отправился прогуляться по открытым галереям. В одном из дальних переходов он вдруг заметил знакомую фигуру — помощник начальника уезда Ци о чём-то горячо спорил с молодым послушником-гэ'эр. Чиновник, стараясь не привлекать внимания, последовал за ними.

Ци и его спутник свернули в укромный уголок сада, куда редко забредали праздные прихожане. Шаньцы укрылся за выступом декоративной горки из камней, затаив дыхание.

— С отправкой золота и серебра всё гладко прошло? — негромко спросил помощник начальника уезда Ци, воровато оглядываясь по сторонам.

— Не беспокойтесь, господин Ци, — кокетливо отозвался послушник. — Мы ведь не первый раз дело имеем. Ящики спрятаны в полуразрушенном храме на окраине, там их никто не тронет. Даже если, упаси небо, кого и схватят — на вас и тени подозрения не падёт.

Лихоимец довольно расхохотался. Именно за эту надёжность он и ценил своего любовника. Супруга Ци была набожна и часто посещала этот храм, поэтому он пристроил сюда своего фаворита, чтобы иметь возможность видеться с ним под предлогом молитв. Тайные свидания в святых стенах придавали их встречам особую, греховную остроту.

Шаньцы молча запомнил каждое слово. Тем временем чиновник, не в силах сдержать порыв, привлек послушника к себе.

Почувствовав, как по спине пробежали мурашки от отвращения, Чжэн осторожно отступил и поспешил прочь.

До этого он видел подобные сцены лишь на страницах сомнительных книжонок, и реальность, представшая перед ним в божьей обители, произвела на него сильное впечатление.

«Вернусь — сразу позову дяньши Чжу, — решил он. — Пусть возьмёт верных людей, выкопает эти сокровища и передаст в казну. Пойдут на нужды уезда»

Ланьи и Цинъинь закончили свои молитвы. Помня наказ мужа, юноша сдержал щедрость и не стал высыпать в ящик для подаяний всё золото, решив, что лучше приберечь монету на новые украшения.

Цинъинь молился о благополучии семьи. Ланьи же, представ перед ликами святых, стал непривычно серьёзным. Он просил здоровья близким и — что самое важное — блестящего будущего для Чжэн Шаньцы. Юный супруг прекрасно понимал: только если муж добьётся высот, они смогут вернуться в столицу.

Когда они вышли во двор, поток прихожан всё ещё не иссякал. Младший брат, помедлив, обернулся к невестке:

— Невестка, раз уж мы здесь, может... может, поклонимся и Богине, дарующей детей?

Юй Ланьи густо покраснел.

«Мы с Шаньцы ещё и ложа-то не делили, а уже идти к Богине, дарующей детей?»

— Мы... нам ещё рано об этом думать, — пробормотал он, спешно увлекая Цинъиня к алтарю супружеских уз.

Тот закрыл глаза и искренне склонился в поклоне. Видимо, в его сердце ещё жила робкая надежда на добрую встречу.

Супруги вернулись в комнату отдыха, куда Шаньцы как раз принёс постный обед.

— Поешьте сначала, — пригласил он.

Закончив трапезу, Ланьи легонько потянул мужа за рукав:

— Мне нужно сказать тебе кое-что.

Они вышли на веранду, подальше от посторонних ушей.

— Шаньцы... может, нам стоит сходить к Богине, дарующей детей? — едва слышно прошептал юноша.

Голова Чжэна была занята планами по захвату золота, и от такого предложения он на миг оторопел. Кончики его ушей мгновенно вспыхнули пунцовым.

— Мы ведь ещё даже... ну, ты понимаешь. Смысл сейчас просить о детях? — смущённо пробормотал он.

— Раз уж мы всё равно здесь, давай сходим, — упрямо буркнул Ланьи, не поднимая глаз.

Шаньцы ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. В храме Богини было полно молодых пар, и он чувствовал себя крайне неловко. Это было всё равно что во всеуслышание объявить всем встречным о своих сокровенных желаниях.

Они возжгли благовония и склонились в поклоне. На сердце у обоих в этот миг было беспокойно.

На обратном пути Цинъинь почувствовал, что атмосфера между братом и невесткой стала какой-то странной. Ланьи заговаривал с ним, но упорно избегал смотреть на мужа, а если их взгляды случайно встречались — тут же испуганно отворачивался.

Дома, согретый сытным обедом и успокоенный молитвой, младший брат ушёл к себе. Ткацкая мастерская ещё не открылась после праздников, и у него было время подумать над новыми узорами. Он часто обсуждал с опытными мастерами, как улучшить крой и вышивку. К весне, когда тёплая одежда станет не нужна, они планировали начать работу с лёгкими тканями. Управляющий мастерской был с ним подчеркнута учтив, и Цинъинь день ото дня становился всё увереннее в себе.

— Мне нужно уйти по делам, — объявил Шаньцы вечером. — Вернусь поздно, ужинайте без меня.

Его мысли были заняты брошенным храмом. Он предвкушал, в какую ярость придёт помощник Ци, лишившись своего добра. Ланьи проводил его недовольным взглядом и надул губы.

— Вечно он занят... Только и знает, что делами заниматься, — проворчал он.

— Молодой господин, — напомнил Цзинь Юнь, — тут сослуживцы господина прислали новогодние подарки.

— Запиши всё в книгу и распорядись подготовить ответные дары примерно той же ценности, — велел Ланьи.

В будни они взяток не брали, но отказать в поздравлении на Новый год было бы верхом грубости. Главное — соблюсти баланс. Ланьи вернулся в спальню и, немного помедлив, достал из прикроватного ящика те самые иллюстрации для отращения огня. На душе было и

любопытно, и томительно.

Но стоило ему вспомнить о внушительных размерах мужа, как решимость испарялась. Да и в такой мороз шевелиться лишний раз совсем не хотелось.

Шаньцы вместе с дяньши Чжу и верными людьми устроил засаду в руинах старого храма. Как только сгустились сумерки, они приступили к поискам. В самом здании ничего не оказалось, и Чжэн догадался искать под полом. Он заметил, что руки статуи Будды были странно чистыми, без налёта пыли. Повинуясь наитию, он потянул за одну из рук и повернул её. С глухим скрежетом плита под постаментом отошла, открывая зев потайного хода.

Дяньши Чжу первым отправил туда стражников.

— Господин начальник, тут всё забито сундуками! — донеслось снизу.

— Поднимайте их! — скомандовал Чжу.

Коробов оказалось десять. По знаку Шаньцы стражник сбил замок с первого. Стоило крышке откинуться, как в свете факелов блеснуло серебро.

— Открывай следующий, — велел чиновник.

Люди невольно сглотнули. Во втором ящике до самого верха лежали драгоценности: ожерелья, шпильки и серьги тонкой работы. Стало ясно, что и остальные грузы не пустуют.

— Переправьте всё это в хранилище ямэня.

— Слушаемся, господин Чжэн!

Такие богатства не собираются за один день. Годы лихоимства и поборов — вот что лежало в этих сундуках. Шаньцы как раз размышлял, где взять средства на развитие уезда, и помощник Ци сам преподнёс ему решение.

— Господин, — негромко шепнул Чжу, — если мы вот так открыто их повезём, не спугнём ли мы зверя?

Шаньцы ответил твердо:

— Дяньши, посмотрите на это золото. Кто посмеет прийти в ямэнь и заявить на него права? Мы

объявим, что нашли клад в руинах, и конфискуем его в пользу государства.

Если кто-то рискнёт признать эти деньги своими, Чжэн с радостью разматывает этот клубок до самого конца.

Поклажу доставили в управу под покровом ночи. Дежурные стражники, увидев, какой богатый улов привезли братья, лишь восторженно присвистнули. Кладовую немедленно отперли.

Шаньцы, глядя на россыпи камней и слитков, лишь холодно усмехнулся. Сколько же жизней было загублено ради этой роскоши? Он подозвал дяньши Чжу и прошептал ему на ухо приказ: захватить того послушника-гэ'эр в заброшенном храме, как только тот появится.

Затем он достал три серебряных слитка — каждый по десять лянов. Шаньцы понимал, что эти люди рискуют ради него. Его срок службы в три года выйдет, и он уедет, а им здесь жить. Его цель — за это время сокрушить четыре клана, чтобы никто не смел мстить его верным помощникам.

— Возьмите это, разделите между собой, — протянул он серебро.

— Благодарим, господин Чжэн! Вы — справедливый начальник!

Стражники, получив награду, теперь были готовы пойти за ним в огонь и в воду.

Той же ночью любовник помощника Ци был схвачен, когда вместе с несколькими наёмниками прибыл к храму, чтобы забрать ящики. По приказу Шаньцы их отвезли в тайное место, подальше от глаз любопытных.

Дяньши Чжу, вернувшись, честно разделил полученное серебро. Глядя на свою долю, он твердо решил: пора накопить денег и заслать сваху к какой-нибудь доброй девушке или гэ'эр. Столько лет в Синьфэне, годы уходят — пора бы и о доме подумать.

Одиноко спать в холодную зиму. Он ведь сирота, родители сгинули в голодный год, из всей семьи только он и выжил. Видеть чужое праздничное веселье, возвращаясь в пустой дом, было для него горьким испытанием.

Шаньцы поначалу ошибочно посчитал, что это лишь доля помощника Ци, однако на деле золото принадлежало всем четырём семьям, иначе откуда у простого чиновника такие богатства? Они планировали вывезти их ещё до Нового года, но из-за появления нового

начальника затаились, выжидая праздничной суматохи. Да только не учли, что Шаньцы окажется куда прозорливее.

По пути домой он зашёл в лавку, где торговали куриными хуньтунями. Это старое заведение работало уже больше десяти лет и славилось на весь уезд. Вскоре перед ним поставили дымящуюся чашу: прозрачный бульон, присыпанный зелёным луком и сдобренный душистым маслом.

Пужинав, он вернулся в поместье. Ланьи полулежал на кровати с книгой в руках. Шаньцы удивленно моргнул: неужто его супруг и впрямь решил заняться чтением?

Умывшись, муж лёг рядом. День выдался утомительным, и он хотел поскорее уснуть. Но Ланьи вдруг отложил книгу и легонько ткнул его пальцем в плечо.

— Шаньцы... ты когда-нибудь думал об... «этом»?

Сон как рукой сняло. Шаньцы невольно вздрогнул.

— Думал, — сдержанно признался он.

Ланьи помедлил, а потом нерешительно спросил:

— А это... не больно? Ну, когда внутрь...

Шаньцы пришлось покопаться в своей памяти, чтобы найти ответ.

— Говорят, есть специальные мази.

Ланьи задумчиво кивнул, словно решил для себя важнейшую задачу.

— Ну ладно. Давай спать.

Чжэн поднялся, задул свечу и, вернувшись под одеяло, нежно обнял супруга.

Ланьи коснулся кончиками пальцев его кадыка и прошептал:

— Как потеплеет... я перестану так сильно мерзнуть.

— Я буду очень осторожен, — пообещал Шаньцы. А потом, чувствуя, как горят уши, добавил: — У меня ведь тоже... в первый раз.

Ланьи, вспыхнув до корней волос, ткнул его кулаком в бок.

— Спи уже!

Помощник Ци ещё не знал, что лишился своего капитала. Пропажа обнаружилась лишь тогда, когда к нему нагрянули главы остальных семей. Узнав, что сундуки из старого храма перекочевали напрямиком в закрома ямэня, Ци чуть не лишился чувств.

Это был его просчёт, и теперь ему пришлось выслушивать едкие замечания партнеров. Он едва сдерживался, чтобы не взорваться.

— Что теперь делать? Послать кого-нибудь забрать ящики? — в голосе главы семьи Ся звучала жадность.

— Пошлешь людей — и Чжэн Шаньцы тут же схватит их за горло, — мрачно отозвался глава семьи Чэн. — Придется проглотить эту обиду молча. Ни слова о сундуках.

Глава семьи Гао холодно усмехнулся:

— Думали, он просто хочет выслужиться и уехать, а он, видать, всерьёз решил нам дорогу перейти.

— Раз он сорвал маски, то и мы не станем прикидываться бумажными тиграми.

Глава семьи Ся до сих пор помнил тот банкет, что они устроили в честь приезда Чжэн Шаньцы, и в его душе всё ещё жил страх. Раньше он слышал, что Шаньцы лично навещал генерала Юя и провожал его. Стоило связать это с тем, что супруг Чжэна тоже носит фамилию Юй, как у главы Ся пропадало всякое желание спорить.

Будь Старейшина Чэн хоть трижды отставным губернатором, против мощи дома Юй даже действующему губернатору пришлось бы несладко. С такими людьми ссориться — себе дороже.

<http://bllate.org/book/15809/1437478>